

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА***Пономарёва Екатерина Валерьевна***

канд. филол. наук, старший преподаватель

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского»

г. Ялта, Республика Крым

**ИЗОБРАЖЕНИЕ НАЦИИ В ПИСАТЕЛЬСКИХ ДНЕВНИКАХ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Аннотация: в работе на основе анализа дневниковых записей А. Блока, И. Бунина и М. Пришвина было установлено, что осознание сущности жизненного бытия приводит к писателям путём осмысления их национальной принадлежности, а национальное самосознание выражается с помощью обращения ко всему разнообразию национальной культуры. В работе были использованы историко-литературный и биографический методы исследования, позволившие определить, что освещение национальной проблематики в каждом из рассмотренных дневников непосредственно зависит от личности самого автора. Так, у М. Пришвина чувствуется понимание нации как первоосновы личностного бытия, у А. Блока национальная проблематика проявляется в общей атмосфере «страшного мира», а у И. Бунина – через призму широкомасштабной картины гражданской войны.

Ключевые слова: дневник, документальная литература, нация, национальное самосознание.

Определение национальной идентичности способно вместить различные значимые составляющие: семейные, религиозные, классовые и др. отношения. Естественно, что авторов дневников волнуют такие вопросы как процесс национальной самоидентификации, трансформация национальных чувств и представлений в литературных произведениях, последствия разрушений вековых народных традиций внутри социума, их влияние на литературный процесс. Многие

писатели обращаются к прошлому, к своим историческим корням, пытаются найти ответ на вечный вопрос: «Кто я?» – другими словами, ищут способы словесного выражения самоидентификации и национальной принадлежности.

Одной из характерных черт документальной литературы является непреходящий интерес к историческому прошлому своего народа, своей страны, к описанию устоявшихся традиций и народных представлений, различных элементов национальной духовной культуры. Неотъемлемой составляющей многих портретных характеристик становится воссоздание национального колорита и описание национального бытия. Проявление национального самосознания выражается здесь посредством обращения ко всему многообразию национальной культуры: к мыслям, к образам, к бытовым краскам, к богатству народного языка.

Каким образом изображается нация в дневниковых записях, относящихся к XX столетию? Разумеется, писатели, прежде всего, говорят о любви к своей родине, подчёркивают свою привязанность к родным корням, приверженность к обычаям и традициям своего народа.

М. Пришвин, например, называет родину дорогой, прекрасной, великой и чистой. В его понимании родина – нечто священное и сокровенное, но всё ещё не до конца познанное, неоткрытое в полной мере. Пытаясь обнаружить в себе исконно русские качества, М. Пришвин обращается к сопоставлению русского народа с другими национальностями. Сравнивая особенности и условия жизни различных этносов, автор стремится подчеркнуть характерные для родной нации черты и свойства характера: «У людей, соединённых между собой общим языком, обычаями, культом, историей, ну, вот, скажем, хотя бы людей русских, есть в душе какой-то более или менее подходящий образ примерного своего человека, на которого каждый и глядит, как на образец поведения, и, глядя на немца, на еврея или китайца, сравнивает: «вот какие мы и какие они». Это «мы» берётся из себя, с того образа, а «они» – со стороны» [4, с. 449]. Как видим, М. Пришвин выводит изображение нации, с одной стороны, из поступательного наслоения отдельных элементов собственной личности, а с другой – противопоставляя эти характеристики отличительным свойствам других народов.

Писатель всегда очень трепетно отзывается о своём народе: «...я люблю тебя, русский народ, я люблю – значит, ты существуешь...» [4, с. 377], что подчёркивает его небезразличие, сопереживание общим проблемам, стремление участвовать в единой судьбе русской нации. Автор часто акцентирует внимание на том, что попытки идентифицировать себя как уникальную личность в конечном итоге приводят к национальной идентификации, поскольку «...индивидуальность варится жизнью рода...» [4, с. 133].

М. Пришвин обращает внимание читателей на то, что сама сущность творчества и становление общей человеческой цивилизации изначально восходит к национальным корням: «Культура – это мировая кладовая прошлого всех народов, и того именно прошлого, которое входит в будущее и не забывается <...> так что культура – это дело связи народов и каждого народа в отдельности с самим собою» [4, с. 131]. Здесь просматривается пришвинская установка на универсализацию и сведение всего существующего к единому абсолютному началу, прочитывается авторское понимание нации как первоосновы личностного бытия.

Национальная проблематика в дневнике А. Блока проявляется в общей атмосфере «страшного мира», имплицитно характеризующей записи поэта. А. Блок очень тонко воспринимает всю гнусность и безжалостность социального времени, общественный раскол страны, обострённо ощущает и передаёт смысл общечеловеческой драмы, постигшей русский народ в начале XX столетия.

В дневнике поэта находят своё воплощение размышления о нравственности народа, о смешении арийской и семитской крови, о «сословных счётах» между классами, о культурных ценностях русских людей. А. Блока волнует вопрос о будущем России в контексте мировых политических изменений и процессов крушения привычного мироздания: «Если распылится Россия? Распылится ли и весь «старый мир» и замкнётся исторический процесс, уступая место новому (или – Иному); или Россия будет «служанкой» сильных государственных организмов?» [1, с. 230]. Поэт не находит ответов на терзающие его дилеммы, поэтому просто сообщает о происходящих переменах: «Записывая все эти мелочи <...> я, однако,

записываю, как «повернулась история». Я хочу подчеркнуть, как это заметно даже в мелочах» (курсив авт. – А. Б.) [1, с. 238].

Нация изображена поэтом в виде сложного, многослойного образования, терзающегося, мечущегося от одной крайности к другой, измученного житейскими проблемами и изнывающего от туманных перспектив дальнейшего положения народа и интеллигенции в России. Причину замешательства и неопределённости во взглядах А. Блок усматривает в национальном менталитете («Эта последовательность метаний, способность жить в вечном разногласии с собой... Лава под корой...» [1, с. 241]), подчёркивая при этом искреннюю простоту, наивность и грубость русского миропонимания, свойственную народу захудалость культурных представлений («Здесь, в простоте душевной, провозглашают сразу, что сапоги выше Шекспира» [1, с. 297]).

По мнению поэта, отечество полностью погружено в атмосферу жуткого хаоса, потопает в смуте и бедности, революционная волна протеста пробуждает в душах людей самые низкие качества, толкает их на безумства и разбой. Общая картина бесправия и анархии, неразбериха во власти сравниваются А. Блоком со страшной засухой и пожарами, с «жёлто-бурыми клубами дыма», которые «в миллионах душ» пробуждают «...пламя вражды, дикости, татарщины, злобы, унижения, забитости, недоверия, мести» [1, с. 244].

Несмотря на такое видимое, внешне иллюзорное недовольство окружающими людьми, дневник поэта пропитан чувством любви и сострадания к русскому народу. На страницах записей найдётся немало пылких высказываний и мыслей А. Блока о жизни простых людей, преисполненных горечью и сочувствием. А. Блок не может смириться с тем, что люди гибнут, голодают, побираются, теряют человеческое лицо. И хотя в дневнике не всегда говорится об этом прямо, автор погружает читателя в атмосферу уныния от происходящего путём изменения тона повествования. Его речь становится сухой, лаконичной, порой даже резкой, прерывается молчанием, простой неэмоциональной констатацией фактов. В настроении А. Блока преобладающей становится нота раздражения, он

часто прерывает свои размышления о народе и его судьбе, пишет, что очень устал и болен.

Таким образом, размышления А. Блока о нации отмечены ярко выраженным авторским индивидуализмом, глубинным разочарованием судьбой русского народа, чутким видением неизбежности кризисного надлома и раскола нации. Автор на уровне подтекста предлагает читателю содержательный портрет нации: русский народ одновременно сочетает в себе доброту, силу и искренность, соприкасающиеся с глупостью, бездушием и безразличием к происходящему вокруг. Блоковское видение национальной проблематики передаётся в дневнике с помощью острых замечаний, недосказанности, домысливаний, интуитивного прогнозирования будущего.

Интересным представляется нам изображение нации в дневниковых записях И. Бунина. И. Бунин в ещё большей степени, нежели М. Пришвин, строит своё повествование о нации, отталкиваясь от своего собственного «я», пропуская общенациональные проблемы через призму собственного восприятия. Своеобразие национального мироощущения и мировоззрения передаётся писателем с помощью изображения собственной боли, страданий, терзающих мыслей о судьбе народа.

В записях, озаглавленных И. Буниным «Окаянные дни», даётся собирательный портрет обездоленной нации, претерпевающей огромное количество трудностей и страданий. Автора дневника беспокоит сложившееся в то время безразличное отношение местных властей к судьбе простого народа, утраченная нацией вера в себя, индифферентное отношение к происходящему. У читателя складывается ощущение, что людей в то время волнуют лишь вопросы идеологической борьбы, причём большинство населения настолько фанатично устремлено к обретению новых прав, что при этом теряет всякое достоинство и гуманность.

Писатель обращает внимание читателя на тот факт, что последователи авантюрной идеи утверждения коммунистических постулатов обрекают себя на ещё большие страдания: они утратили совесть, разочаровались в жизни, стали способны к измене, болезненно ощущают свою второстепенность и неприкаянность. Тем не менее следует заметить, что И. Бунин вовсе не стремится изобразить нацию в столь неприглядном свете. Писатель очень чутко воспроизводит колорит национального быта, передаёт в целом доброжелательное и приветливое отношение русских друг к другу и к другим народностям, обрисовывает положительные качества нации, такие, как оптимизм и жизнелюбие, подвижничество и смелость, трудолюбие, преданность, справедливость.

Общее отношение к новой власти определяет стиль и характер ведения всего дневника, поэтому записи 1918–1919 гг. изобилуют множеством мыслей и оценок, касающихся положения народа в сложившихся условиях. И. Бунин опечален судьбой людей, на долю которых обрушивается экономический развал страны, мировая и гражданская войны, красный террор. Неоднократно в дневнике выражается негодование по поводу того, что народные массы вынуждены грабить и убивать близких, соседей, сослуживцев, в то время как новая власть прикрывается надуманными идеями о революционной необходимости и равенстве. По мнению писателя, тогда, когда руками других уничтожаются тысячи людей, калечатся судьбы их родственников, ни о каком равенстве не может быть и речи.

Нация изображена И. Буниным с позиции соотношения и противопоставления большевистской власти, в высказываемых о происходящих событиях мыслях простых извозчиков, слуг, сторожей. То и дело в дневнике всплывают образы недовольных красной властью людей – мужественных, благородных, честных. У И. Бунина мужик не кривит душой, прямо указывает на достоинства и недостатки новой жизни, искренне верит в лучшее. Несмотря на успех и видимую поддержку со стороны большинства мужиков, красные не могут заручиться их абсолютным доверием.

Несколько иначе обстоит дело с представителями интеллигенции. Здесь происходит явный раскол на два лагеря: поддерживающие нововведения (М. Горький, В. Маяковский, А. Блок и др.) и их ненавистники (И. Бунин, П. Струве и др.). Следует заметить, что даже те, кто впоследствии примкнули к большевикам (те же М. Горький и А. Блок), сначала не поддерживали власть, ужасаясь на страницах многочисленных изданий кровавым бесчинствам красных.

И. Бунин, так же, как и А. Блок, говорит о свойственной русскому народу неустойчивости во взглядах, способности быстро и кардинально менять свои предпочтения в зависимости от сложившейся ситуации: «Народ сам сказал про себя: «из нас, как из древа, – и дубина, и икона», – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает» [3, с. 45]. На эту национальную особенность И. Бунин не раз обращает внимание читателей, с каждым новым упоминанием всё сильнее акцентируя свойственное русским безразличие и безрассудность. Писатель задаётся вопросом, отчего к простому народу относятся во время гражданской войны настолько холодно и равнодушно, не обращают внимания на массовые страдания и лишения? И тут же даёт ответ на этот вопрос, усматривая в качестве одной из причин характерную русским людям мальчишескую беззаботность: «Откуда это равнодушие? Между прочим, и от ужасно присущей нам беспечности, легкомысленности, непривычки и нежелания быть серьёзными в самые серьёзные моменты» [3, с. 46].

Вообще, И. Бунин невозмутимо и методически последовательно вскрывает все, по его мнению, присущие нации отрицательные черты, сыгравшие не последнюю роль в постигших народ разочарованиях. Следует отметить принципиально неинтерпретируемый характер подобных образов – «...они неделимы, обладают абсолютной плотностью и не отсылают ни к каким иным смыслам» [2, с. 37].

Во-первых, писатель говорит о любви русских к праздной жизни, привольной, вольготной, ничем не стеснённой. Такая мнимая «сытость» и способность довольствоваться тем, что имеешь, нежелание добиваться большего собственными усилиями («...жили мы все <...> как бы в богатейшей усадьбе, где даже и тот, кто был обделён, у кого были лапти разбиты, лежал, задерживая эти лапти, с полной беспечностью» [3, с. 46]) стали основной причиной того, что простой народ оказался пешкой в руках опытных «игроков».

Во-вторых, И. Бунин высмеивает старую добрую русскую традицию – жить «как Бог на душу положит», не задумываясь о будущем, не особо затрудняя своё настоящее будничными проблемами, существовать «кое-как», поступать «на авось». Корень зла, «барский идеализм», обрушившийся на русскую нацию на пороге нового столетия, писатель усматривал в пренебрежении «длительным будничным трудом»: «Какая это старая русская болезнь <...> – вечная надежда, что придёт какая-то лягушка с волшебным кольцом и всё за тебя сделает» [3, с. 46]. И. Бунин не обходит вниманием и вольный дух русского народа, его свободолюбие: «А всё-таки дело заключается больше всего в «воровском шатании», столь излюбленном Русью с незапамятных времён, в охоте к разбойничьей, вольной жизни...» [3, с. 75].

Совершенно естественно, что такая проникновенно любящая свободу нация очень легко, не задумываясь, с присущим ей оптимизмом встала на защиту освободительного движения против буржуазии. Слепое подчинение масс большевикам И. Бунин объясняет одним из основных качеств человеческой личности – стремлением к лучшему и неспособностью или нежеланием русских людей видеть реальное состояние вещей. По этому поводу автор записей даже цитирует в дневнике слова А. Герцена, убеждённого в том, что простой народ живёт мечтами, не замечает действительности: «Беда наша в расторжении жизни теоретической и практической» [3, с. 75].

И. Бунин осуществляет попытку анализа исторического хода событий на Руси, отталкиваясь от внутренних особенностей нации. Помимо дневниковых записей А. Герцена, писатель приводит выдержки из «Истории Российской с самых

древнейших времен» В. Татищева, «Истории России с древнейших времен» С. Соловьева и «Бунта Стеньки Разина» Н. Костомарова, обращает внимание читателей на такие черты как неуравновешенность, постоянное недовольство, неосмысленность воли, грубость тех, кто последовал за призывами так называемых наставников.

Было бы неверным полагать, что И. Бунин высказывается о нации исключительно порицательно. В контексте его записей читаются сопереживание, тревога о любимом народе, уважение к достигнутым ранее культурным ценностям. И. Бунин настолько искренне привязан к простым людям, что не может не тревожиться об их судьбе, оттого в тексте дневника так много попыток разобраться в причинах деградации народного духа и вырождении традиций.

Несомненно, что и М. Пришвин («Россия! Родина, дорогая, дорогая моя. Тут только, на фиолетовых берегах солёного озера, понял я, что люблю тебя, что ты прекрасна...» [4, с. 59]), и И. Бунин («...и я дышал этой берёзовой и полевой, хлебной сладостью и всей, всей прелестью России...» [3, с. 86]), и А. Блок («Больно, когда падает родная берёза в дедовском саду» [1, с. 92]) чувствуют свою неразрывную, органическую связь с родной нацией.

Список литературы

1. Блок, А. А. Дневник [Текст] / А. А. Блок. – Москва: Сов. Россия, 1989. – 512 с.
2. Болдырева, Е. М. Автобиографический метатекст И. А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма: автореф. дисс. ... док. филол. наук. – Ярославль, 2007. – 46 с.
3. Бунин, И. А. Окаянные дни [Текст] / И. А. Бунин. – Москва: Сов. писатель, 1990. – 128 с.
4. Пришвин, М. М.: собрание сочинений в 8 т. – Москва: Художественная литература, 1982 – 1986. – Т. 3: Дневники 1905-1954. – 1986. – 759 с.